

ГОСУДАРСТВО И СТАРООБРЯДЧЕСТВО

«... ОБРАЩЕНИЕ СЕРДЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДЕЛО БОЖИЕ ЕСТЬ»

(УКАЗ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА ОТ 22 МАРТА 1800 Г.: ПОПЫТКА ИЗМЕНЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЦАМ)

Г.П. Станкевич

Все попытки светских властей и иерархов синодальной церкви с самого начала раскола решить «старообрядческий вопрос» исключительно методами репрессий и насилия не увенчались успехом. Уже к середине XVIII в. этот провал стал очевиден и правящим кругам Российской империи. Это побудило правительство императрицы Екатерины II изменить политику по отношению к старообрядцам как особой категории подданных и частично к старообрядчеству в целом. Как и другие подданные, старообрядцы получили гражданское признание согласно своей сословной принадлежности, невзирая на конфессиональную ориентацию. На таких же основаниях признавалась за старообрядцами и свобода отправления религиозного культа. Однако полного юридического признания и тем более равноправия с синодальной церковью старообрядцы всё равно не получили (1).

Кардинального изменения государственной политики по отношению к старообрядцам не произошло. Правительство и церковь не изменили своего принципиального взгляда на старообрядчество как на раскол, подрывающий основы государственной безопасности и потому подлежащий обязательному преодолению. Изменились только подходы к решению этого болезненного вопроса. Вместо традиционного и повсеместного «кнута» царское правительство, а следом за ним и Святейший Синод всё чаще стали использовать в отношении последователей древнего благочестия «пряник».

Старообрядцы, в зависимости от готовности идти на соглашение с правительством и синодальной церковью, были разделены на категории. Готовым к компромиссам старообрядцам предоставлялось право сохранять старый богослужебный обряд, получая от господствующей церкви «правильное» священство. Эти старообрядцы фактически снова соединялись с новообрядческой церковью, подчиняясь её иерархии. Их даже полагалось не считать «раскольниками». Фактически в царствование Екатерины II началось оформление единоверия как своеобразного

мостика, соединяющего часть старообрядчества с реформированной церковью.

Старообрядцы, не шедшие на компромисс и отстаивавшие свою духовную независимость от синодальной церкви, признавались «потаёнными», с ними предписывалось «поступать по всей строгости закона» (2). Таких бескомпромиссных старообрядцев и в царствование Екатерины II и в последующие годы было большинство. Церковный раскол, несмотря на усилия императрицы, преодолен не был.

Вступивший в 1796 г. после смерти Екатерины II на императорский престол её сын Павел Петрович не только продолжил политику своей матери по отношению к старообрядцам, но и дальше развил её. Именно в его царствование старообрядцам было разрешено строить церкви (3), единоверие было официально признано формой «воссоединения» старообрядцев с господствующей церковью (4).

Одновременно была предпринята попытка изменить формы и методы миссионерской работы со старообрядцами. С этой точки зрения определённый интерес представляет секретный указ Святейшего Синода от 22 марта 1800 г., копии которого были разосланы Слободско-Украинской (Харьковской) духовной консисторией «к непременною его исполнению» (5) во все духовные правления епархии 29 октября того же года за подписью священника харьковской градской Благовещенской церкви Иоанна Красовского. Этот указ сохранился в фонде Сумского духовного правления Государственного архива Сумской области (6).

В указе отмечается, что «многие из купечества, мещанства и поселян, содержавшие издревле православную христианскую веру, по поводу совращения их раскольническими лжеучителями уклоняются целыми селениями в старообрядчество» (7). При этом они жалуются гражданским властям на притеснения, чинимые им приходскими священниками, которые ради собственной корысти, против воли старообрядцев, исправляют у них в домах требы, принуждают их хоронить умерших на общих кладбищах и заставляют ежегодно ходить на исповедь к синодальным священникам.

В связи с изданными ранее правитель-

ством Павла I актами, значительно расширявшими права старообрядцев, возникло противоречие в толковании и применении этих актов старообрядцами и светскими властями с одной стороны и епархиальными властями синодальной церкви с другой. Старообрядцы «требуют от духовной команды подтверждения приходским священникам о неделании им никакого притеснения» (8), а епархиальные архиереи, основываясь также на государственных узаконениях, пытаются пресечь попытки старообрядческого миссионерства. Чтобы разрешить создавшуюся юридическую коллизию, Святейший Синод «во отвращение впредь всех сих нареканий и неудобств» издал рассматриваемый указ.

Одна из главных претензий старообрядцев к синодальному духовенству состояла в том, что «священники бывших на исповеди, кто их не подарит, пишут не бывшими, что и поставляют они к объявлению себя старообрядцами» (9), тем более, что старообрядцев согласно указам от 12 марта 1798 г. и 27 октября 1800 г. «за небытие у исповеди и святого причастия, яко духовное прегрешение, вместо взыскания с них штрафа, наказывать духовными епитимиями» (10). В то же время в отношении нестарообрядцев, не бывших у исповеди, действовала резолюция Святейшего Синода от 29 марта 1721 г., гласившая: «Надзирать в приходах самим священником, и прикащиком и старостам, где случитца, и кто будет исповедаватца и неисповедыватца, тому всему иметь книги погодно и присылать их по епархиям в Духовные Приказы, и кто по тем книгам явитца без исповеди, и с таких править тех приходов священником штрафы» (11). Именной указ от 30 сентября 1765 г. также карал не бывших у исповеди штрафом. Царские указы устанавливали и конкретные размеры штрафов (12).

Такое положение вызывало немалое беспокойство церковных властей. Оно не только роняло нравственный авторитет духовенства, но и давало дополнительный повод для перехода в старообрядчество: «для избежания платежа за то штрафа, как из дел, производимых в Синоде, оказалось, объявляют себя старообрядцами; от платежа помянутого штрафа свобода не только дает им пред православными выгоду, но служит некоторым слабым в вере и нерадящим о должностях христианских поводом к удалению от православных церкви» (13). Поэтому указом от 22 марта 1800 г. священнослужителям предписывалось «найстрожайше подтвердить, чтобы бывших и не бывших у исповеди и святого причастия прихожан в духовных росписях писати по самой сущей справедливости без всяких прицепок, не требуя у них за требы, а особливо за исповедь ни под каким видом излишняго, и бывших у исповеди и причастия не бывшими, а не бывших бывшими отнюдь не писать» (14). За

нарушение священнослужителям грозило не только лишение чинов, но и передача светским властям для наказания по гражданским законам. Духовные же правления и благочинные обязывались контролировать исполнение этих предписаний.

Указ требовал также пересмотреть старые методы миссионерской работы. Указывалось, что главной целью миссионерской работы среди старообрядцев является польза церкви и «сохранение общей тишины и спокойствия». Вместо традиционных методов полицейского контроля и насилия предписывалось действовать «не скоростию и не строгостию или принуждением, но апостольским учением, увещанием и усердным настоянием, со всякой кротостию, терпением и человеколюбием и с пастырскою любовью, с доводами из Священного Писания, а в случаи и несклонности их не только насилия и притеснения, паче же истязания не чинить, но и видов грубых и огорчений отнюдь не показывать» (15). Дело священника — преподавать церковное учение, а «обращение сердец человеческих дело Божие есть».

Предлагалось изменить и методы общения со старообрядцами, избегать всего, что могло вызывать их нарекания и недовольство. В первую очередь запрещалось без согласия хозяев входить в частные дома и заниматься убеждением против воли слушателей. Действовать следовало «чрез благопристойное, ласковое и приятельское с ними обращение, приводить к себе в любовь посредством как бы соседственного знакомства, отнюдь не чиня им никакого притеснения, озлобления и угрожения» (16). Особо обращалось внимание на чтение соответствующей литературы.

Вносилось новшество и в работу со старообрядцами, которые присылались гражданскими властями в духовные консистории «для увещания». Увещания не должны были продолжаться более 10 дней — «нераскаившихся» надлежало отсылать обратно, чтобы не давать старообрядцам повода обвинять духовные власти в притеснениях.

В отдельные селения, где имелись старообрядцы, следовало посылать только опытных священников, которые должны были, исходя из обстоятельств, действовать по своему усмотрению на основании изложенных выше рекомендаций. О результатах своей работы священники-миссионеры должны были извещать архиереев, которые, в свою очередь, доносили об этом губернаторам.

При появлении «беглых расколнических попов и других подобного им состояния людей» синодальные священники обязывались «не входя в сыск кольми паче во истязание», «разведав достоверно без всякого разглашения, давать знать немедленно им же господам губернаторам

единственно для сведения» (17), то есть полицейско-надзорная функция с приходского духовенства господствующей церкви не снималась.

Таким образом, можно констатировать, что правительство Павла I прилагало определённые усилия для нормализации отношений со старообрядцами. Причём это стремление предполагало целый ряд уступок старообрядцам.

Однако позиция синодальных властей по отношению к старообрядцам была намного жёстче правительственной. В частности, митрополит Московский Платон (Левшин), уже традиционно считающийся «крестным отцом» единоверия, в действительности значительно урезал условия соединения старообрядцев с синодальной церковью, поданные московскими староверами, хотя на них и соглашался император Павел (18).

На местах попытки правительства изменить тон взаимоотношений, формы и методы миссионерской работы со старообрядцами встретили глухое недовольство духовенства и реализованы не были. В немалой степени этому способствовало и низвержение Павла I.

Ярким примером «миссионерской» работы синодальных священников со старообрядцами в соседней со Слободско-Украинской Черниговской епархии в царствование преемника Павла – императора Александра I – может служить «миссионерство» священника Иоанно-Крестительской церкви слободы Марчихина Буда Глуховского уезда Симеона Корсуна. Этот священник вместе с чиновниками Крамаренко и Хиновским в местном молитвенном доме старообрядцев, по словам его прихожан, «шумя без благопристойности и почтения к изображению божественных Ликов, и имевшеюся в руках его палицею поразбивал перед иконами большие ставники, а после зделавши деревянный ключ, способствовал тем чиновникам к отпертию замков от сундуков, где хранились свечи и деньги, и затем разоривши одним словом, и забравши книги, обратился неизвестно куда, чем нанес как изображению Святыни непочтительность, равно и всему нашему обществу нестерпимые обиды» (19). При расследовании дела оказалось, что упомянутые чиновники и священник Корсун не только, по сути, ограбили молитвенный дом, но и запечатали его, запретили совершать там богослужение (20).

Более того, после предписания вице-губернатора распечатать молитвенный дом и вернуть владельцам отобранное имущество, Корсун долго противился исполнению предписания гражданских властей и полностью забранные вещи так и не возвратил. Его «миссионерская» деятельность стала ещё более изошрённой. Он начал ходить по домам старообрядцев и допрашивать их, где они исполняют свои религиозные потребности, не позволял старообрядцам

хоронить умерших на отведённом гражданскими властями месте, угрожал вообще уничтожить молитвенный дом. Эти угрозы были небезосновательными, потому что стоявшие вблизи него амбары купца Разумова были подожжены. По просьбе черниговского вице-губернатора епископ Черниговский и Нежинский Лаврентий (Бакшевский) обещал приструнить чересчур ретивого иерея (21), однако найти документальное подтверждение исполнения этого обещания до настоящего времени не удалось.

Неудивительно, что и в конце царствования Николая I роменский благочинный священник Григорий Диаконенков в рапорте в Роменское духовное правление писал, что для «вразумления» проживающих в Ромнах немногочисленных старообрядцев «достаточно и приходского по месту жительства их священника, но не иначе как при содействии полиции» (22).

Подвергнув анализу имеющиеся в нашем распоряжении материалы, можно прийти к выводу, что попытки правительства Павла I значительно изменить государственную политику по отношению к старообрядцам, и в частности, формы и методы миссионерской работы с ними потерпели неудачу. Главными причинами её следует считать устранение от трона и смерть самого Павла и вследствие этого изменение всей государственной политики по отношению к старообрядцам. Либерализация отношения государства к староверам оказалась явлением временным. Она сменилась постепенным ужесточением политики в царствование Александра I и прямыми репрессиями в царствование Николая I. Основная масса духовенства синодальной церкви оказалась не способной и не имеющей желания изменить свои взгляды на старообрядчество и старообрядцев и соответственно строить по-новому свои отношения с ними. Процесс обмирщения синодальной церкви в начале XIX в. зашёл уже достаточно далеко, её связь с государством и правящими классами оказалась чрезвычайно сильной. Поэтому построить новые отношения со старообрядцами, не произведя коренных изменений в самой новообрядческой церкви, было уже невозможно. К сожалению, эта проблема не решена в новообрядческой церкви и до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С.101.
2. Там же. С.102.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXV. (1798–1799). СПб., 1830. С.133.
4. Там же. Т. XXVI. (1800–1801). С.357.

5. Государственный архив Сумской области (ГАСО). Ф.749. Оп.1. Д.14. Л.44об.

6. Там же. Л.42–44об.

7. Там же. Л.42.

8. Там же. Л.42об.

9. Там же.

10. Там же. Ф.804. Оп.1. Д.113. Л.47.

11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Т.1. №52. С.67. Цит. по: Мельников Ф.Е. Блуждающее богословие: Обзор вероучения господствующей церкви. Вып.1. М., 1911. С.196–197.

12. Размеры штрафов см.: Осипов В.И. «А крестное-де знамение он на себе полагает двоеперстное» (Дела боровских старообрядцев в 1730-е годы) // Старообрядчество: история, культура,

современность. Вып.10. М., 2004. С.37.

13. ГАСО. Ф.804. Оп.1. Д.113. Л.47.

14. Там же. Ф.749. Оп.1. Д.14. Л.43.

15. Там же.

16. Там же. Л.43об.

17. Там же. Л.44об.

18. См.: В единоверии раздор: Документы, собранные тщанием прот. Т.А. Верховского, и разъясненные свящ. К.Е. Голубевым. Псков, 1877. Л.15–23об.; Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С.151–153.

19. Государственный архив Черниговской области. Ф.679. Оп.2. Д.3875. Л.2–2об.

20. Там же. Л.11–11об.

21. Там же. Л.13.

22. ГАСО. Ф.960. Оп.2. Д.6703. Л.12об.

Григорий Павлович Станкевич родился 29 октября 1954 г. на Украине, в пос. Радуль Репкинского района Черниговской области. В 1980 г. окончил исторический факультет Киевского государственного педагогического института им. А.М. Горького; в настоящее время – преподаватель общественных дисциплин Колледжа Сумского национального аграрного университета. В области старообрядчества научным интересом Г.П. Станкевича является история Стародубско-Черниговских старообрядческих слобод. Г.П. Станкевич принимал участие в работе VI конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» в ноябре 2002 г. Своими впечатлениями от конференции он поделился с читателями газеты «Джерело», издающейся в Колледже Сумского аграрного университета (Джерело. 2002. №12), и любезно позволил нам перевести и напечатать его статью в 10-м выпуске сборника (Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.10. М., 2004. С.102).

Основные работы, опубликованные Г.П. Станкевичем по старообрядческой проблематике, следующие:

1. Шанували свободу в слободках // Колгоспне життя (Ріпки Чернігівська обл.). 1985. 17 серпня.

2. З історії російських поселень на Чернігівщині // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства (грудень 1985 р.): Тези доповідей. Чернігів, 1985. С.61.

3. Старообрядці на Чернігівщині // Десянська правда (Чернігів). 1994. 19 липня.

4. Старообрядці у нашому краї // Життя Полісся (Ріпки Чернігівська обл.). 1994. 7 вересня.

5. Белая Криница на почтовом конверте // Костромской старообрядец. 2000. №5.

6. Протопоп Аввакум поборник многогласия? // Старообрядец (Н. Новгород). 2001. Апрель.

7. Светская и церковная власть и старообрядцы на Черниговщине в последней четверти XVII–XVIII вв. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2002. С.31–42.

8. Чернігівські старообрядницькі слободи (сmt. Добрянка і Радуль Ріпкинського району) за матеріалами перепису 1729 року // Сіверянський літопис (Чернігів). 2002. №6. С.32–46.

9. Старообрядчество в Древней Руси // Старообрядец (Н. Новгород). 2003. Март. №27.

10. Радульская летопись: Хроника событий из истории Радуля. XVII век–1917 год / Сост. Г.П. Станкевич. Сумы, 2004.

11. Радульские старообрядцы // Старообрядчество Украины и России: прошлое и современность: Материалы II Всеукраинской научно-практической конференции 1–3 октября 2004 г. г. Киев. Киев, 2004. С.101–108.